

Андрей Курейчик

a_kurei@mail.ru

Т Р И Ж И З Е Л И

Пьеса основана на реальных фактах
судьбы одной женщины

«Жизель юная». 1940-1943 гг.

1. **Жизель Купес**, школьница старшего класса 16-17 лет.
2. **Луи (Людовик) Купес**, её отец. Французский рабочий, член профсоюза и коммунистической партии.
3. **Жаклин Купес**, её мать.
4. **Анна Купес**, сестра Жизели, девушка 20-22 лет.
5. **Франсуа**, студент.
6. **Командир** отряда Сопротивления.
7. **Лейтенант Франсуа**.
8. **Анжелина**.
9. **Сергей Буряк**, 30 лет, белорусский солдат.
10. **Первый солдат**.
11. **Второй солдат**.
12. **Французские партизаны**.

«Жизель взрослая». 1957 г.

1. **Жизель Буряк**, доярка колхоза, 32-34 года.
2. **Сергей Буряк**, её муж 45-50 лет, фактически безработный и алкоголик.
3. **Нина**, их соседка.
4. **Иван Ильич**, председатель колхоза.
5. **Колька Дубчек**, приятель и собутыльник Сергея.
6. **Инга**, работница колонии.
7. **Василий**, участковый милиционер.
8. **Ильдар Ханов**, сотрудник КГБ.
9. **Виктуар**, дочь Жизели.

История 3. «Жизель старая». 1999 г.

1. **Жизель Купес**, пенсионерка 70 лет.
2. **Нина**, их соседка, пенсионерка 75 лет.
3. **Виктуар**, дочь Жизели, под 50.
4. **Анна Купес**, сестра Жизели около 75 лет.
5. **Старый Василий**, бывший участковый.

Декорация представляет собой конструкцию, которая превращается в разные пространства, которые легко сменяют друг друга: французский дом 40х годов XX века, белорусский деревенский дом в 60-е годы, и тот же дом в 90-х годов XX века.

I.

1999 год.

*Дом в белорусской деревне. Старушка Жизель неторопливо занимается хозяйством.
Затем подходит к телефону и набирает номер.*

ЖИЗЕЛЬ. Алло, Нина? Нина? Нет... А кто? Оля? Здравствуй, Оленька, это бабушка Жизель. Помнишь бабушку Жизель? Приехала к бабе Нине на каникулы? А? Нравится в деревне? Ну что ты... В деревне летом хорошо. Вкусные у бабы вишни? А уродилось-то сколько... Шпаки склюют, конечно, никто не собирает... На речку ходила? На речку, спрашиваю, ходила? Что? А, ну ясно... Ты же это, только смотри: там, где глубоко не плавай. Передай бабушке, чтоб Жизели перезвонила... Да, Жизели, домой. Ну хорошо, беги, беги... *(Кладёт трубку. Ждёт, затем вздыхает и куда-то уходит).*

II.

1940 год.

Париж. Дом семьи Купес.

ЛУИ. Жаклин! Ты где? Жаклин, послушай, это интересно...

ЖАКЛИН. Не хочу.

ЛУИ. Жозес прав, это правительство никуда не годиться. Да они просто сошли с ума. Это же очевидно! Разве непонятно, что Гитлера лучше иметь союзником, чем врагом. Вот увидишь, правые приведут эту страну к войне.

ЖАКЛИН. Так, всё ли я купила? Как можно в такой обстановке сосредоточиться?

ЛУИ. Гости будут?

ЖАКЛИН. Нет, только мы.

ЛУИ. А где Анна? Почему она тебе не помогает?

ЖАКЛИН. Она помогает. Я послала её к мсье Крюшо за зеленью.

ЛУИ. Как? К этому скабрёзнику Крюшо? Немыслимо! Я же говорил ничего у него не покупать. Этот монархист агитировал за открытие у нас католических школ.

ЖАКЛИН. Я не вижу ничего плохого в католических школах.

ЛУИ. И у него работают арабы! У тысяч французов нет работы и жилья, а он нанимает каких-то арабов!

ЖАКЛИН. Ничего удивительного, ведь он сам полжизни провёл в Алжире. Луи, у нас лампочка перегорела, надо заменить.

ЛУИ. В Алжире, да... В этом позорном осколке империализма. Именно поэтому я не хочу есть его зелень. От неё так и разит его отвратительными политическими спекуляциями. Империалиста надо наказывать франком!

ЖАКЛИН. Отлично. Тогда тебе придётся наказать мсье Бушимеля, нашего мясника, мадам Фуко, в бакалейной лавке которой мы покупаем продукты, мадам Сент-Этьен, у которой мы снимаем квартиру, и уж тем более господина Гаспари, который поит тебя в кредит в своём кафешантане. Надеюсь, тебе будет достаточно комфортно жить на улице и питаться партийными прокламациями?

ЛУИ. Это правда, мы пока не можем выступить открыто. Но Ленин тоже ждал, а потом – бах – и революция!

ЖАКЛИН. У него были на это деньги, а у тебя их нет.

ЛУИ. И всё равно, этого Крюшо я терпеть не могу! Его корнишоны станут у меня поперёк горла.

ЖАКЛИН. Не встанут.

ЛУИ. Встанут.

ЖАКЛИН. Странно, раньше не вставали.

ЛУИ. Ничего, ничего... Придёт наше время. Вот ты не веришь, а я тебе серьёзно говорю – наши дети будут жить при коммунизме.

ЖАКЛИН. А пока, может, вкрутишь лампочку?

ЛУИ. Вот он твой дремучий нормандский характер. Тебе не хватает воображения.

ЖАКЛИН. Мне не хватает времени. У меня слишком много забот, чтобы я могла позволить себе такую роскошь.

ЛУИ. Это что, счёта? Уголь подорожал? Опять? Когда меня спрашивают, за что я борюсь, я с гордостью отвечаю – за отмену счетов! Не понимаю, кто может быть против?

ЖАКЛИН. Видимо, те, кто эти счета рассылает. (*Возвращается Анна*). Помоги мне...

ЛУИ. Ну как, купила империалистической отравы?

АННА. О чём это он?

ЖАКЛИН. О корнишонах.

АННА. Да, я всё принесла: зелень, овощи.

ЛУИ. А Крюшо?

АННА. Что Крюшо?

ЛУИ. Жив ещё?

АННА. Передавал тебе привет.

ЛУИ. Вот паскудник! Привет! Да как он смеет? Ни стыда, ни совести...

АННА. Я ставлю фарфор?

ЖАКЛИН. Да, и стаканы... Скоро она придёт. Луи, ты закончил со счетами?

ЛУИ. Сейчас запишу всё в домовую книгу.

ЖАКЛИН. Тебе партийный съезд запретил работать по дому или как?

ЛУИ. Ты не понимаешь, домовая книга – это основа основ. Четыре поколения Купес ведут домовые книги. Недавно, я даже нашёл книгу времён Революции. Знаете, что было в ней написано в день смерти Жана Поля Марата?

ЖАКЛИН. Положи салфетки... Хорошо.

ЛУИ. «Купили сыра, лука и хлеба. Починили чулки». Вот! Историю Франции можно изучать по домовым книгам Купес.

ЖАКЛИН. (*Анне*). Как Поль?

АННА. Поехал в Орлеан.

ЖАКЛИН. К родителям?

АННА. Да. И ещё по каким-то делам.

ЛУИ. Дела, дела... По каким это он там делам?

ЖАКЛИН. Зачем тебе это знать?

АННА. Поль приглашает меня погостить к родителям.

ЖАКЛИН. А ты?

АННА. Думаю.

ЛУИ. Они на стол, небось, кладут по двенадцать вилок...

ЖАКЛИН. Надо ехать. Приглашают, надо ехать.

ЛУИ. Понравится жить в роскоши, потом от дома будешь нос воротить.

ЖАКЛИН. Луи, тебе принципиально говорить все глупости в этот вечер?

ЛУИ. Молчу, молчу...

ЖАКЛИН. Ей же с мужем жить, не тебе. Ты на счёт платья уже решила?

АННА. Я хочу что-нибудь простое. Совсем простое. И лёгкое... Как балетное.

ЖАКЛИН. Балетное... Да, тебе пойдёт. Я всегда говорила, из тебя бы вышла чудесная балерина.

АННА. Не вышла.

ЖАКЛИН. Да... Но ты очень красиво танцевала.

АННА. Мама, я училась только два года...

ЖАКЛИН. Я тебе говорю, когда ты танцуешь, от тебя глаз не оторвать. Я знаю, я такое уже видела...

АННА. Дягелевские сезоны?

ЖАКЛИН. Всё перед глазами, как будто закончились только вчера

ЛУИ. У женщин всегда память лучше.

ЖАКЛИН. В десять лет так легко поражаться красоте. Она танцевала как богиня.

АННА. Павлова?

ЖАКЛИН. Великая Павлова.

АННА. Когда Поль спросил меня, в честь какой королевы меня назвали, я сказала в честь русской королевы балета.

ЛУИ. А он?

АННА. Сказал, что я лучше.

ЛУИ. Он что её видел?

АННА. Нет, откуда...

ЖАКЛИН. У меня тогда слёзы сами лились из глаз. Мама, твоя бабушка, сказала: «Чего ты ревёшь? В туалет хочешь?» Я сказала -- нет. Это были слёзы счастья.

ЛУИ. Ну где же наша именинница?

ЖАКЛИН. Что ты хотел, она взростеет, становится женщиной – вот и опаздывает. Анна, у нас всё готово?

АННА. Только свечи зажечь...

ЛУИ. Не ошибитесь с количеством. А то мне на день рождения вечно как поставите... Их должно быть ровно семнадцать.

ЖАКЛИН. Подарок?

АННА. Здесь...

ЛУИ. Мне кажется идёт. Ну давайте, давайте...

ЖАКЛИН. Анна, спички. Луи, выключи свет. *(Луи выключает)*. Тихо... Приготовились. *(Входит Жизель)*.

ЖАКЛИН, ЛУИ, АННА. С днём рождения тебя! С днём рождения тебя! С днём рождения тебя, дорогая Жизель! *(Она задует свечи, становится темно...)*

III.

1957 год.

Беларусь. Деревня.

ИВАН ИЛЬЧ. Жизель! Жизель! *(Выходит Нина)*.

НИНА. Чего ты орёшь?

ИВАН ИЛЬЧ. Нинка, где Жизель, мать её?

НИНА. Нету. Не видишь что ли?

ИВАН ИЛЬЧ. Что значит «нету»? Коли председатель колхоза её ищет, значит должна быть.

НИНА. Зачем тебе она?

ИВАН ИЛЬЧ. А тебе дело? В правление ей надо подойти, за комбикорм подписаться. Пока дошёл, чуть не задохнулся... Так где она?

НИНА. Я ей сторожиха что ли? Не пришла ещё.

ИВАН ИЛЬЧ. Ну так, ты ж с ней того...

НИНА. Чего «того»?

ИВАН ИЛЬЧ. Вот дурная баба! Сошлась ты с ней, по товарищеской части.

НИНА. По какой такой части?

ИВАН ИЛЬЧ. По товарищеской. *(Нина смеётся)*. А ну вас... Я ваши международные отношения понимать не обучен. Я к тебе как лицо официальное обращаюсь, а ты вот так... Некрасиво, Нинка, не по-человечески...

НИНА. Ой, Иван Ильич, да ты не обижайся. Просто ты моё чувство юмора задел.

ИВАН ИЛЬЧ. Задел... Ну прости, коли задел.

НИНА. Ну, не дуйся. На яблоко погрызи, если есть чем.

ИВАН ИЛЬЧ. Да... С этого боку, ещё есть. А с этого... Говорят, в городе золотые вставить можно.

НИНА. Ну...

ИВАН ИЛЬЧ. «Ну»... Воспоминания у меня про зубы плохие. В тридцать втором у нас тут один поставил, Михеев, знакомый мой -- два зуба. Так его за эти зубы и раскулачили. Так что, лучше я это, одной стороной пожую пока...

НИНА. Так это в прежние времена было...

ИВАН ИЛЬЧ. Ты мне про времена не рассказывай. На моём веку их вот сколько было. Разных... *(Входит Жизель)*.

НИНА. Вон Жизелька идёт. Жизель, с тобой председатель потолковать хочет.

ИВАН ИЛЬЧ. Нинка, ты не уходи...

НИНА. Зачем я тут?

ИВАН ИЛЬЧ. Остайся, говорю, остайся. Жизель, как по отчеству тебя величать не знаю...

НИНА. Нет у них никаких отчеств.

ИВАН ИЛЬЧ. Дело ясное, капиталистические отношения – какие отчества... Но у нас к тебе претензий нету. Доярка ты хорошая. Передовица производства...

ЖИЗЕЛЬ. Что он говорит?

НИНА. Комбикорма дадут.

ЖИЗЕЛЬ. Хорошо.

ИВАН ИЛЬЧ. Да подожди ты, Нинка! Вот балаболка. Жизель, правление решило тебя премировать.

ЖИЗЕЛЬ. Премировать?

ИВАН ИЛЬЧ. Ну да. Тебе надо подойти в правление и расписаться.

ЖИЗЕЛЬ. Сейчас?

ИВАН ИЛЬЧ. А когда ж? Там и мешок стоит, хороший комбикорм – сам проверял.

ЖИЗЕЛЬ. Сейчас не могу. Мне надо домой. Я должна домой.

ИВАН ИЛЬЧ. Не поняла? Иди распишись, а то секретарь, Раиска, уйдёт. У ней сегодня день сокращённый, или тёлка рожает... Чёрт её разберёт.

ЖИЗЕЛЬ. Нет, нет... Я пошла. Мне надо...

ИВАН ИЛЬЧ. От, дурёха!

НИНА. Чего пристал? Видишь, не хочет она?

ИВАН ИЛЬЧ. Так бесплатно ж! От государства. У вас во Франции от государства комбикорм давали? О! А тут дают, сорок кило.

НИНА. Погоди. Жизель, тебе что, идти надо?

ЖИЗЕЛЬ. Там Виктуар. Надо...

НИНА. Так бы и сказала... Я за тебя схожу, не беспокойся. Я схожу, а Сергей потом мешок заберёт. Хорошо?

ЖИЗЕЛЬ. Сергей заберёт. Хорошо.

ИВАН ИЛЬЧ. Ладно... Иди, скажешь Раисе Ильич разрешил. Странный у ней говор... Но красиво.

IV.

1940 год.

Париж.

ЖИЗЕЛЬ. Спасибо! Спасибо! Спасибо! Я всегда мечтала о «Мадам Шанель». Только понюхай – божественный запах.

АННА. Я знала, что тебе понравится. Мы выбрали с Полем.

ЖИЗЕЛЬ. Вы были в её магазине?

АННА. Да.

ЖИЗЕЛЬ. Чем там пахнет?

АННА. Разве можно описать запах словами?

ЖИЗЕЛЬ. А почему Поль не пришёл?

АННА. Он уехал в Орлеан.

ЖИЗЕЛЬ. Я так жду вашей свадьбы, Анна. Куда вы поедете на Медовый месяц? В Ниццу?

АННА. Или в Сент-Тропе. Мы ещё не выбрали.

ЖИЗЕЛЬ. Лучше в Ниццу... (*Пауза*). А ты была на заводе его папы? Он большой?

АННА. Завод как завод. Я не разбираюсь...

ЖИЗЕЛЬ. Как я за тебя рада, Анна. Ты будешь богатая. Я всегда думала, что красивые и добрые люди должны быть богатыми. Папа говорит, при коммунизме все будут богатыми.

АННА. Поль считает, что мы должны жить в Орлеане. Наверное, он прав. Но мне так не хочется уезжать от вас...

ЖИЗЕЛЬ. Да ты не бойся. Мы справимся. Я уже поступила в ателье «Орсэ» на набережной... Там мало платят, но дают ткани на платья. А кроме того, ты ведь будешь приезжать... И я к тебе.

АННА. Конечно.

ЖИЗЕЛЬ. Пойдём, погуляем. Такая погода... Мне кажется, сегодня должно произойти что-то особенное. Мы будем гулять, и пусть все оборачиваются нам вслед. Две самые красивые девушки Парижа, да ещё божественно пахнущие...

АННА. Одна.

ЖИЗЕЛЬ. Нет, теперь уже две...

V.

1999 год.

Звонок телефона.

ЖИЗЕЛЬ. Алло, Нина? Это я звонила, внучка подняла... Так я ей сказала, передай бабушке, звонила Жизель. Помнит ещё... Конечно. Ты и привела б её в гости, сидишь там... У меня яблочки-ранетки в это году сладкие, хорошие... Червь правда всё поел. А... Ну-ну... Диденчиха померла. Говорю, Диденчиха померла. Галя... Третий дом от угла. Да! Сын её шёл, Мишка, -- ну рыжий, алкоголик, сказал – померла. Завтра хоронить будут. Я тоже удивилась, такая крепкая была. С головой только уже не ладила... Забывалась всё. Идешь мимо неё, она глаза выпучит – не узнаёт... Склероз или что, я не знаю... А так, физически, очень крепкая была. Корову держала, кабанчиков, и померла... Не, я не пойду. Далеко. Не хочу. Нету здоровья. О чём ты говоришь... Вон ягоды счернели, обирать некому... Ай, ноги что-то слабые стали. Три шага сделаю – сажу... Что? Чего уже жаловаться... Возраст. Ну иди, иди... Тетеря глухая. (*Кладёт трубку, идёт смотреть телевизор*).

VI.

1957 год.

Беларусь. Дом.

НИНА. Я комбикорм получила. Колька принёс.

ЖИЗЕЛЬ. Спасибо.

НИНА. Как по вашему – мерси? Что-то знаю... Кольке надо на рыло дать. Нет, не в рыло – на рыло, ну дать... Отблагодарить, значит.

ЖИЗЕЛЬ. Нету у меня ничего.

НИНА. Сто грамм?

ЖИЗЕЛЬ. Нету.

НИНА. Что же это ты... У нас без сто грамм нельзя.

ЖИЗЕЛЬ. Знаю. Было, Сергей забрал.

НИНА. А поесть?

ЖИЗЕЛЬ. Блины.

НИНА. Ладно... Всё равно надо позвать человека. Вон, стоит, мнётся. Аж скулы сводит – выпить хочет. У вас во Франции небось такого нет.

ЖИЗЕЛЬ. Какого «такого»?

НИНА. Алкоголизма.

ЖИЗЕЛЬ. Может, и нет, не помню...

НИНА. А дочка где?

ЖИЗЕЛЬ. Виктуар? На улице играет. Уже скоро на ферму идти. Смена.

НИНА. Вот назвала, так назвала. У нас Викторами мужиков называют. Мужское имя Виктор. Задрязнят её...

ЖИЗЕЛЬ. Я не знала.

НИНА. Так я зову Кольку?

ЖИЗЕЛЬ. Зови. *(Ставит на стол блины).*

VII.

1940 год.

ЖИЗЕЛЬ. Знаешь, о чём я мечтаю, Анна?

АННА. О чём?

ЖИЗЕЛЬ. Нет, нельзя говорить. Скажешь, ничего не сбудется.

АННА. Не думала, что ты суеверная.

ЖИЗЕЛЬ. Не суеверная. Просто знаю – так было. Как ты думаешь, Анна, любить – это хорошо?

АННА. Конечно. Почему ты спрашиваешь? Из-за Франсуа?

ЖИЗЕЛЬ. Посмотри, какой сегодня чудесный вечер. Чувствуешь?

АННА. Что?

ЖИЗЕЛЬ. Масляные краски. Здесь, наверное, где-то недалеко мастерская художников... Похоже там... Пошли посмотрим.

АННА. Жизель...

ЖИЗЕЛЬ. Интересно, что он там рисует?

АННА. Или кого.

ЖИЗЕЛЬ. Ты никогда не позировала?

АННА. Нет.

ЖИЗЕЛЬ. Тебе надо... Ты такая изящная, пусть тебя нарисуют. Без всего!

АННА. Глупая...

ЖИЗЕЛЬ. Подаришь Полю.

АННА. Зачем, он и так меня увидит. Слушай, Жизель, а ты хоть не позируешь? Посмотри мне в глаза. Жизель, даже не думай! Ты никогда не должна это делать. Мама умрёт от стыда, если узнает, что ты ходишь на Холм.

ЖИЗЕЛЬ. Конечно, конечно, приличные женщины туда не ходят... Но я часто бываю на площади Тертр, да и Монмантр не кажется мне чем-то особенным. Не понимаю, что плохого в художниках?

АННА. Жизель...

ЖИЗЕЛЬ. Люди как люди.

АННА. Жизель.

ЖИЗЕЛЬ. Ну не ходила я туда, не ходила! Ну что ты на меня так смотришь? Просто мне интересно, вот и всё.

АННА. Жизель...

ЖИЗЕЛЬ. Но когда-нибудь я туда пойду и буду позировать голая каждому сумасшедшему студенту, пусть рисует из меня кубические плоскости и красные пятна, вот! Ну Анна, признайся, неужели тебе совсем не интересно?

АННА. Нет.

ЖИЗЕЛЬ. Почему?

АННА. Не знаю почему. Неинтересно и всё. Это ложная романтика, надо думать о жизни. Увидишь, скоро ты сама это поймёшь.

ЖИЗЕЛЬ. Может быть... *(Пауза)*. Ну где же он?

АННА. Кто?

ЖИЗЕЛЬ. Франсуа...

АННА. А что, он должен прийти?

ЖИЗЕЛЬ. Ну да. У нас здесь свидание.

АННА. Свидание? Жизель, ты с ума сошла! А меня ты зачем притащила? Это же неприлично...

ЖИЗЕЛЬ. Почему? Ты же моя сестра.

АННА. У вас любовное свидание.

ЖИЗЕЛЬ. Просто... Просто я боюсь, а вдруг он меня не любит. Или любит не по-настоящему. Мужчины всегда водят за нос... У них одно на уме.

АННА. Откуда ты набралась этой пошлости?

ЖИЗЕЛЬ. Посмотри: ты очень красивая. Красивее меня. Если Франсуа меня не любит, будет глазеть на тебя – вот тут я всё и пойму!

АННА. Большой глупости я в жизни не слышала.

ЖИЗЕЛЬ. Но мне же надо выяснить, любит он меня или нет.

АННА. Неужели ты считаешь, что можно узнать это таким дурацким способом? Он что, тебе ещё не признался?

ЖИЗЕЛЬ. Ещё как признался. Говорить он мастер, это правда. Мы с ним так романтично познакомились.

АННА. Расскажи.

ЖИЗЕЛЬ. Только родителям – ни слова. Я шла по набережной, в ателье. Он подошёл ко мне, такой важный и сказал: «Привет»! Они все так глупо начинают... Я ему: «Привет». Он: «Как тебя зовут?» «Жизель». «А меня Франсуа. Ты здесь работаешь?» Увидел, куда я иду. «Нет», -- отвечаю я.

АННА. Зачем ты ему соврала?

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю. А чего он важничал?

АННА. И что ты ему сказала?

ЖИЗЕЛЬ. Ну... Что я учусь... на балерину.

АННА. Зачем?

ЖИЗЕЛЬ. Ты не понимаешь, он подошёл ко мне так, что думал, что у меня сердце остановится. Ты бы видела его глаза. От такого взгляда с ума можно было сойти, вот я и молола всякую чушь... А когда успокоилась уже – то всё, было поздно. Он уже ушёл.

АННА. Всё равно рано или поздно ему придётся сказать.

ЖИЗЕЛЬ. Придётся. Ничего не поделаешь. Но сначала надо точно убедиться, любит он меня или нет. Такие мучения... Подожди, вон он идёт.

АННА. Где?

ЖИЗЕЛЬ. Прячемся, прячемся...

АННА. Зачем?

ЖИЗЕЛЬ. Но я же не могу на свидание прийти первой. Да, кстати, забыла тебе сказать: я учусь балету, а ты... великая французская балерина.

АННА. Я?

ЖИЗЕЛЬ. Не бойся, он всё равно в этом ничего не понимает. Тихо! (*Пауза*).

VIII.

1957 год.

КОЛЬКА. Всем привет.

НИНА. Здравкались уже.

КОЛЬКА. А я не тебе, я хозяйке привет шлю.

ЖИЗЕЛЬ. Блины. Молоко.

КОЛЬКА. Молоко, ты знаешь, уже не употребляю. Желудок противится.

ЖИЗЕЛЬ. Нету.

КОЛЬКА. Ничего, у нас с собой имеется. Рюмки дай. Нинка, будешь?

НИНА. Ай, не хочу...

КОЛЬКА. Хозяйка?

ЖИЗЕЛЬ. Не хочу.

КОЛЬКА. Значит, один. Ладно... А где Сергей?

ЖИЗЕЛЬ. В учхозе. По делам.

КОЛЬКА. Знаем, знаем. Когда вернётся, скажи ему, чтоб ко мне заглянул. Потолковать надо. Дельце есть стоящее...

НИНА. Что это у вас за дела? Собутыльники, вот и всё ваше дело.

КОЛЬКА. Нинка, ты ж вроде торопилась куда.

НИНА. В ведь точно. Куры у меня в катуху закрытые и цыплята.

КОЛЬКА. Нехорошо. Куры закрытые, а ты здесь лясы точишь, нехорошо...

ЖИЗЕЛЬ. (*Тихо. Нине*). Не уходи. Пожалуйста, не уходи. (*Пауза*).

НИНА. Ай, не помрут те куры. Посижу ещё, больно у вас компания хорошая. Да, и пристала я что-то...

КОЛЬКА. Чего это ты пристала? Я ведь пёр мешок.

НИНА. А вот глядела на тебя, Николай Батькович, и пристала. Говорят, такая психологическая теория есть, в Москве академики вывели: если весь день смотреть, как другой человек работает, у самого руки заболеть могут...

КОЛЬКА. Теория, значит...

НИНА. Она самая...

КОЛЬКА. Ишь ты какая образованная, а я и не знал.

НИНА. Да ты, небось, не знаешь, сколько будет три на два перемножить.

КОЛЬКА. Ладно... Буду я ещё с тобой препираться. Найди мужа и трепи ему нервы. Мы лучше поговорим с хозяйкой. Ну что, Жизель, расскажи нам про свою Францию.

ЖИЗЕЛЬ. Нечего рассказывать.

КОЛЬКА. Скучаешь? Вернуться не подмывает?

ЖИЗЕЛЬ. (*Тихо*). Нет.

КОЛЬКА. И правда, что там – мёдом помазано, в этой Франции? Одно название – Франция, Франция... У нас лучше, правда? Ну где ещё такое найдёшь: огурцы – свои, помидоры, яблочки, советская власть, социализм, комбикорм вот бесплатно дают – живи и радуйся. Радуйся, Жизель?

ЖИЗЕЛЬ. Ешь, чего стоит?

КОЛЬКА. А блины-то у неё смотри какие: ровненькие, аккуратненькие, один к одному. Ну, а кому это надо? Всё равно, в говно превратиться. Смотри, -- хоба, и в рот. Всё... А что вы там во Франции пили?

НИНА. Ну что ты привязался. Что там пьют, вино, наверное.

КОЛЬКА. А я тебе так скажу: херня ваше французское вино. Пшик... Вот наш самогон, это я понимаю. Напиток... Не веришь? На выпей.

ЖИЗЕЛЬ. Не хочу.

КОЛЬКА. Выпей, говорю.

НИНА. Что ты пристал к ней. Наклюкался? Видишь, не хочет человек. Если тебе надо с кем-то выпить – давай со мной.

КОЛЬКА. *(Наливает)*. А знаешь что, Жизелька, я тебе ещё скажу: и мужики ваши французские – тоже говно. Правда? Стоило русскому Ивану поманить – побежала, как сучка, побежала... Потому что из другого теста!

НИНА. Ну, ну, ну – разошёлся. Кутузов... Окосел уже? Ты со своими алиментами сначала разберись, прежде чем свой нос в чужие дела совать...

КОЛЬКА. Слушай, Нинка, шла бы ты к своим курам! Поди задушились уже все.

НИНА. Ну а задушились и пёс с ними. В землю закапаю.

КОЛЬКА. Мне с Жизелькой по секрету потолковать надо.

НИНА. А я, может, без чужих секретов спать не могу.

КОЛЬКА. Не для твоих это бабских ушей. Сказал тебе, вон пошла! Пошла, а то сейчас за волоса выволоку! *(Вытихивает её)*. Сильная, корова... Дурная баба, не даёт слова вставить. *(Пауза)*. Точно пить не будешь?

ЖИЗЕЛЬ. Нет. *(Пауза)*.

КОЛЬКА. Мужики французские – говно. А вот бабы... У нас бабы ни к чёрту. Вон Нинка – дура, дурой. Только языком молотить по делу и без дела. А ведь женщина, она ведь другая должна быть. В ней тонкость должна быть, ум, красота. Понимаешь?

ЖИЗЕЛЬ. Мне на смену пора. Бригадир сердиться будет.

КОЛЬКА. Слушай, это правда, что в Париже вашем женщины блядовать любят? Я по глазам вижу, любят, тоскуешь без мужика?

ЖИЗЕЛЬ. У меня муж есть.

КОЛЬКА. Да знаю я всё, как вы с мужем живёте.

ЖИЗЕЛЬ. Отпусти...

КОЛЬКА. Жизелька, давай по-быстрому...

ЖИЗЕЛЬ. Не трож! Не трож! Мужу расскажу.

КОЛЬКА. Не расскажешь. Он же тебя первую прибьёт. И дочку тоже...

ЖИЗЕЛЬ. Уходи! Уходи!

КОЛЬКА. Ну что ты, тебе понравится. Небось во Франции мужиков только так меняла...

ЖИЗЕЛЬ. Уходи! *(Входит Василий, участковый)*.

ВАСИЛИЙ. Что тут происходит?

КОЛЬКА. Ничего, всё нормально. Не видишь, обедаем.

ВАСИЛИЙ. Вижу. Хозяйка?

ЖИЗЕЛЬ. Мне на ферму надо.

КОЛЬКА. А ты чего без стука в чужой дом лезешь? Забыл тут что?

ВАСИЛИЙ. Воры в округе у нас объявились. С амбаров пшеницу тянут. Ничего не слышали?

КОЛЬКА. Нет.

ЖИЗЕЛЬ. Ничего не знаю.

ВАСИЛИЙ. Ладно. Если что, знаете, где меня найти. И ещё... Сергей побился. Морду Кочуре набил, еле разняли. Смотри за ним... Так ничего не слышали? А то Нинка сказала зайти, поинтересоваться...

1999 год. Беларусь.

Дом. Жизель занимается хозяйством. Заходит Виктуар.

ВИКТУАР. Мама. Мама, я на минутку. Я к Бутовым на день рождения -- Лёньке, ну сипатому – сорок семь. Или сорок восемь, во, видишь – забыла. Я к тебе зашла рублей сто одолжить. На подарок. Бутылку...

ЖИЗЕЛЬ. Где это ты успела уже?

ВИКТУАР. Да я... Ты что, я не пила. Это лекарство, ты знаешь, в грудях колет – давление, наверное...

ЖИЗЕЛЬ. На.

ВИКТУАР. На Илью отдам. Собрала вишню, думала в город отвезти, сторговать, ажно оказалось цены совсем нет. О, дыра на чулке, не видела... Все везут, а ещё говорят какой-то контроль. Так я и не собралась.

ЖИЗЕЛЬ. Вишни много. Яблоков нет, даже антон не уродился. Вон только ранетки.

ВИКТУАР. Я возьму, погрызу...

ЖИЗЕЛЬ. А вишни, да... Аж ветки ломаются. Шпаки склюют.

ВИКТУАР. Шпаков – тьма. Ой, что же это я сижу? Там же люди ждут. Ольга звонила...

ЖИЗЕЛЬ. Что?

ВИКТУАР. Ай, мается там по общежитиям. В Москве ты знаешь, жильё дорогое.

ЖИЗЕЛЬ. Дорогое.

ВИКТУАР. Эх, дочка, дочка... Захотела лучшей жизни. Говорила ей, поступай в техникум, не пропадёшь. А что в той Москве? Ай...

ЖИЗЕЛЬ. Ничего страшного.

ВИКТУАР. Что ты понимаешь? Тоже, авантюристка хренова. Сидела бы дома, может сейчас в Париже жила бы. Ты что, Ольку не знаешь? Она ж дурная, головы нет, другим местом думает... Это ж город, вон сколько жуликов, преступность какая... Пойду.

ЖИЗЕЛЬ. Вика, не пей много.

ВИКТУАР. Ай, обойдусь без твоих советов. Сидишь тут как в могиле. Вышла бы на люди. Молчишь? Ай... (*Уходит Жизель одна*).

X.

1940.

Франсуа с цветами ходит туда-сюда. Жизель и Анна наблюдают за ним из укрытия.

АННА. Ну сколько мы можем прятаться? Посмотри, человек совсем извёлся...

ЖИЗЕЛЬ. Пусть знает, как опаздывать.

АННА. Мне надоело. Или мы выходим, или я уйду.

ЖИЗЕЛЬ. Ладно, сейчас. Ещё минуточку, ещё одну минуточку... Пожалуйста. Пошли. (*Выходят*). А, Франсуа, привет. Ты уже здесь? Познакомься, это моя сестра Анна.

ФРАНСУА. Добрый день, я много слышал о вас от Жизели. Она сказала, что вы ба...

ЖИЗЕЛЬ. (*Перебивает*). Анна, это Франсуа. Студент...

ФРАНСУА. Журналист.

АННА. Очень приятно. Где вы пишете?

ФРАНСУА. Честно говоря, пока нигде. Но я собираюсь писать очерки о великих людях. И Жизель...

ЖИЗЕЛЬ. Не правда ли, что моя сестра очень красивая?

АННА. Жизель!

ФРАНСУА. Да, очень... Жизель, я просто... Я тебе цветы принёс.

ЖИЗЕЛЬ. Очень мило.

ФРАНСУА. А куда мы пойдём?

АННА. К сожалению, я не смогу с вами погулять. У меня планы... Я иду...

ЖИЗЕЛЬ. На репетицию.

АННА. Жизель!

ФРАНСУА. Вы уверены, что не хотите с нами...

АННА. Нет, нет, спасибо. Хочу вас предупредить, Франсуа, что Жизель – очень большая выдумщица, но при этом она добрая и милая девушка. Не обижайте её... (*Собирается уходить*).

ЖИЗЕЛЬ. (*Тихо, Анне*). Он на тебя почти не смотрел.

АННА. Не скрывай от него ничего, если ты его действительно любишь. (*Франсуа*). Рада была с вами познакомиться... (*Уходит. Пауза*).

ФРАНСУА. Ну что, куда пойдём?

ЖИЗЕЛЬ. Зачем куда-то идти? Мне и здесь нравится. Так свежо... И людей нет. Я люблю набережные. Говорят, в Венеции одни набережные...

ФРАНСУА. Я никогда там не был. Я вообще нигде не был дальше Осера.

ЖИЗЕЛЬ. Хм...

ФРАНСУА. Но у меня призвание к путешествиям.

ЖИЗЕЛЬ. Откуда ты знаешь, если ты нигде не был?

ФРАНСУА. Знаю. Я для того и решил стать журналистом, чтобы делать очерки из разных стран. Представляешь, как интересно читать об Австралии или Новой Гвинее из первых рук? Вот увидишь, я стану первоклассным путешественником.

ЖИЗЕЛЬ. Ага, и будешь портить туземок под кокосовыми пальмами.

ФРАНСУА. Нет...

ЖИЗЕЛЬ. Нет?

ФРАНСУА. Ну, пока встречаюсь с тобой, точно нет.

ЖИЗЕЛЬ. Спасибо и на этом. Франсуа... Я должна тебе кое в чём признаться. (*Пауза*).

ФРАНСУА. Кто он?

ЖИЗЕЛЬ. Да нет... Господи, почему у мужчин только одно на уме? А кроме того, неужели ты меня считаешь такой дурой. Это последнее в чём бы я призналась... Нет. Просто я не занимаюсь балетом.

ФРАНСУА. А твоя сестра не училась у Анны Павловой.

ЖИЗЕЛЬ. Догадался?

ФРАНСУА. Конечно, я же журналист. Честно говоря, я провёл маленькое расследование, и всё выяснил: что ты, где ты живёшь, где работаешь...

ЖИЗЕЛЬ. Ты следил за мной?

ФРАНСУА. Ну... не то что бы. Немного...

ЖИЗЕЛЬ. С ума сойти... Ну хорошо, ты считаешь меня обманщицей?

ФРАНСУА. Почему? Никому не запрещено фантазировать. А кроме того, нигде не написано, что ты должна говорить правду первому встречному.

ЖИЗЕЛЬ. Убедил. Но согласись, у меня есть все данные балерины.

ФРАНСУА. Конечно.

ЖИЗЕЛЬ. А мои ноги...

ФРАНСУА. Потрясающие.

ЖИЗЕЛЬ. Маленький сладострастник. А какая у меня сестра? Сама грация. Между прочим, её жених – самый богатый человек во Франции.

ФРАНСУА. Эта история не про меня. Два франка на букетик – вот всё, что у меня есть.

ЖИЗЕЛЬ. Ну во-первых, я за тебя ещё не выхожу. Во-вторых, она лучше меня. Чего же удивляться, что ей досталась лучшая партия.

ФРАНСУА. Лучше тебя никого нет.

ЖИЗЕЛЬ. Я не покупаюсь на дешёвые комплементы. Слушай, почему у тебя всегда такая тяжелая сумка? Что ты там носишь, камни?

ФРАНСУА. Прокламации. Раздаю пятьсот штук, получаю двадцать франков.
 ЖИЗЕЛЬ. Не очень выгодно.
 ФРАНСУА. Не очень... Это же для дела. А кроме того, я ещё подрабатываю наборщиком в газетной типографии, так что все новости в Париже я узнаю первым.
 ЖИЗЕЛЬ. Чувствуешь, чем от меня пахнет?
 ФРАНСУА. Чем?
 ЖИЗЕЛЬ. Чем-чем. Ну скажи, что хорошо пахнет.
 ФРАНСУА. Вкусно. Это что, персик?
 ЖИЗЕЛЬ. Яблоко! Дурак, это же «Шанель № 5». Божественный запах. Анна мне на день рождения подарила.
 ФРАНСУА. У тебя был день рождения? Что же ты не сказала? Сколько тебе исполнилось?
 ЖИЗЕЛЬ. А вот это, мой милый журналист, тебе знать совсем не обязательно.
 ФРАНСУА. Как хочешь. Но подарок остаётся за мной.
 ЖИЗЕЛЬ. Что, продашь последнюю рубашку? Забудь... Отыграешься в следующем году, если, конечно, я тебя не брошу.
 ФРАНСУА. Ну вот, ещё не начали встречаться, а ты уже бросать собралась.
 ЖИЗЕЛЬ. Не будь дураком – это жизнь. Не могу же я обещать тебе любовь до гроба. А вдруг мне встретится какой-нибудь фабрикант...
 ФРАНСУА. Жизель...
 ЖИЗЕЛЬ. Ладно, не обижайся. Ну, Франсуа, не расстраивайся... Я же пошутила. Никакой фабрикант мне тебя не заменит. Да плевать я хотела на всех мужчин в мире. А когда ты устроишься в приличное издание, то сделаешь очерк о Ленине.
 ФРАНСУА. Почему о Ленине?
 ЖИЗЕЛЬ. Потому что Ленин – великий человек. И это понравится папе. Я бы на твоём месте очень постаралась ему понравиться. Раз ты хочешь приходить к нам.
 ФРАНСУА. Я хочу?
 ЖИЗЕЛЬ. А где мы будем встречаться? Ну что ты как маленький. Или ты предлагаешь до сумасшествия ходить по улицам? Учти, на скамейках я тискаться не буду. Это холодно и негигиенично. А у тебя в каморке всегда аншлаг.
 ФРАНСУА. Да, ещё и Пьер из Марселя вернулся.
 ЖИЗЕЛЬ. А у меня своя комната.
 ФРАНСУА. Ты поедешь со мной в Австралию?
 ЖИЗЕЛЬ. Не раньше чем через неделю. Я же шью себе новое платье... *(Они уходят)*.

XI.

1957 год.

Жизель дома. Вбегает маленькая Виктуар.

ЖИЗЕЛЬ. Посиди со мной. Что ты всё бегаешь?
 ВИКТУАР. Темно... А где папа?
 ЖИЗЕЛЬ. Не знаю. Скоро придёт. Посиди.
 ВИКТУАР. Мама, а почему ты «р» не выговариваешь? Ты еврейка?
 ЖИЗЕЛЬ. Кто тебе такую глупость сказал?
 ВИКТУАР. Янушевская Надька. Она сказала, евреи «р» не выговаривают. Сказала, они плохие, потому что жида.
 ЖИЗЕЛЬ. Не слушай её. Это дурное. Её плохо научили. Плохое воспитание.
 ВИКТУАР. И ещё мне сказали, что Виктуар – это мужское имя. Мне не нравится, так ты меня просто Вичка зови, ладно? *(Пауза)*.
 ЖИЗЕЛЬ. Спать не хочешь?
 ВИКТУАР. Нет. Покажи мне лучше свои сокровища.

ЖИЗЕЛЬ. Папа может вернуться. Ты знаешь, он не любит...

ВИКТУАР. А мы быстро-быстро. Одним глазиком. Ну пожалуйста, а?

ЖИЗЕЛЬ. Хорошо. Только потом – молчать. (*Достаёт коробку*).

ВИКТУАР. Мама, а Франция далеко?

ЖИЗЕЛЬ. Далеко.

ВИКТУАР. А Париж больше Москвы?

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю. Может быть...

ВИКТУАР. А там все говорят по-французски?

ЖИЗЕЛЬ. Все. Смотри. Это моё свидетельство о рождении. Париж...

ВИКТУАР. Буквы непонятные. Нам в школе сказали, что потом мы будем изучать английский язык. Я сказала, что хочу французский, а Леонелла Петровна сказала – нельзя.

ЖИЗЕЛЬ. Нельзя, значит, нельзя.

ВИКТУАР. А почему ты сама меня не учишь?

ЖИЗЕЛЬ. Нельзя. Это моя фотокарточка.

ВИКТУАР. Сколько тебе здесь лет?

ЖИЗЕЛЬ. Семнадцать.

ВИКТУАР. А как будет по-французски мама?

ЖИЗЕЛЬ. Мама.

ВИКТУАР. Похоже как у нас. А папа?

ЖИЗЕЛЬ. Папа.

ВИКТУАР. А как будет, я люблю дедушку Ленина? (*Жизель сказала по-французски*). А кто этот дядя рядом с тобой на фотокарточке? И почему он такой смешной?

ЖИЗЕЛЬ. Его звали Франсуа... Неважно. Дай сюда... Посмотри лучше это.

ВИКТУАР. Та самая открытка? От балерины?

ЖИЗЕЛЬ. От Анны Павловой. Видишь, написано по-французски. Она была самая великая балерина. В честь неё назвали мою сестру.

ВИКТУАР. А почему она уехала?

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю.

ВИКТУАР. (*Достаёт флакон духов*). Вкусно... Как это называется?

ЖИЗЕЛЬ. Духи.

ВИКТУАР. Открой.

ЖИЗЕЛЬ. Нет, папе это не нравится. Потом когда-нибудь... Давай, складывай всё.

ВИКТУАР. А когда буржуев победят, мы поедем во Францию?

ЖИЗЕЛЬ. Конечно.

ВИКТУАР. К бабушке и дедушке?

ЖИЗЕЛЬ. Да. Ну, иди спать. Иди, иди... (*Виктуар уходит. Жизель остаётся одна со своими сокровищами*).

ХII.

1999 год.

ЖИЗЕЛЬ. (*Звонит по телефону*). Алло, Нинка. Это я, да... Я тебя, может, отрываю? Чего ты делаешь? А? Ай, не знаю. Ничего не делаю... Плохо мне что-то. Предчувствия какое-то... Может, зайдёшь? Вон, «Габриэлу» посмотрим. Я-то последнюю серию и не видела. Не помню, на дворе, может, была... Вот и расскажешь, а то этот нефтепромышленник, нашёл он сына или что? Выпьем немного. Говорю, выпьем. Вот, глухая. Давай, заходи...

ХIII.

1957 год.

СЕРГЕЙ. Пожрать есть?

ЖИЗЕЛЬ. Блины. Тихо, Виктуар спит.

СЕРГЕЙ. (*Садится, ест*). Сала дай.

ЖИЗЕЛЬ. Василий сказал, ты сегодня опять подрался. Чем Кочура не угодил?

СЕРГЕЙ. Морда.

ЖИЗЕЛЬ. Забьёшь когда-нибудь.

СЕРГЕЙ. Тебя забью, если не в свои дела лезть будешь.

ЖИЗЕЛЬ. Я о тебе думаю, Сергей.

СЕРГЕЙ. Помолчи. И так тошно, ты ещё здесь...

ЖИЗЕЛЬ. Прости. (*Пауза. Ест*). Мне комбикорм дали. От сельсовета.

СЕРГЕЙ. Знаю, Колька сказал.

ЖИЗЕЛЬ. Ты у него был?

СЕРГЕЙ. Не смей меня контролировать! Куда хочу, туда хожу! Не хватало ещё, что бы мне баба в моём доме допрос устраивала.

ЖИЗЕЛЬ. Я не хотела. Я просто...

СЕРГЕЙ. Чем здесь воняет? Ты что, опять доставала?

ЖИЗЕЛЬ. Нет, я прятала... Я...

СЕРГЕЙ. Не смей доставать своё французское говно! Я тебе сказал, чтобы ты всё выбросила. Или тебе здесь не нравится? Отвечай!

ЖИЗЕЛЬ. Не кричи. Я не хочу, чтобы она слышала.

СЕРГЕЙ. Ещё раз увижу эти побрякушки – вылетишь отсюда. Мигом, пойдёшь искать себе другой дом. Что, считаешь себе лучше всех? Умнее всех? И так из-за тебя одни проблемы...

ЖИЗЕЛЬ. Прости, я не хотела проблем. (*По её лицу текут слёзы*). Убирать?

СЕРГЕЙ. Убирай. (*Пауза*). Иди сюда.

ЖИЗЕЛЬ. Что?

СЕРГЕЙ. Подойди. Ну не бойся, не буду бить. Подойди. (*Жизель подходит*). У нас говорят, бьёт, значит любит. Не реви. Иди, раздевайся, сейчас приду.

ЖИЗЕЛЬ. Сергей...

СЕРГЕЙ. Сказал, иди, значит иди. (*Она отходит*). Ничего, я тебя научу, как мужа уважать, сучка... (*Уходит*).

XIV.

1940 год.

ЛУИ. Ну что, эти голубки уже прилетели?

ЖИЗЕЛЬ. Папа...

ЛУИ. Ой, прости, я тебя не видел.

ЖИЗЕЛЬ. Я одна. Франсуа скоро придёт, он спит.

ЛУИ. Спит?

ЖАКЛИН. Луи, двадцать раз тебе говорили, что ночью Франсуа набирает газеты.

ЛУИ. Да, да, точно... Как вы встречаетесь, не пойму: он днём спит, ты ночью.

ЖАКЛИН. Луи!

ЖИЗЕЛЬ. Анна, ну как я выгляжу?

АННА. Повернись. По-моему, замечательно.

ЖИЗЕЛЬ. Он не должен видеть других женщин, кроме меня. Я не переживу, если он уйдёт. Слушай, влюбилась в него, как дура. По уши... Что мне делать?

АННА. Радоваться.

ЖАКЛИН. Франсуа любит равиоли?

ЖИЗЕЛЬ. Он всё ест.

ЛУИ. Правильно. Мужчина должен быть непритязателен в пище, но оставаться гурманом.

ЖАКЛИН. О боже...

ЛУИ. Кстати, почему он не делает тебе предложение?

АННА. Папа...

ЛУИ. Нет, правда. По всему видно, парень хороший, социалист...

ЖАКЛИН. Вот главное достоинство.

ЛУИ. И достоинство. Между прочим, достоинство. Это значит, человеку небезразлична судьба Франции.

ЖАКЛИН. Главное, чтобы ему была небезразлична судьба Жизель. А Франция переживёт...

ЖИЗЕЛЬ. Он сделает предложение, когда придёт время.

ЛУИ. «Когда придёт время», «когда придёт время»... Не понимаю. Я сделал предложение твоей маме на второй неделе нашего знакомства.

ЖИЗЕЛЬ. Мама, это правда?

ЖАКЛИН. Да, а потом повторял его ещё восемнадцать раз за три года.

ЖИЗЕЛЬ. Ты не соглашалась?

ЖАКЛИН. Должен же кто-то реалистически смотреть на вещи. Чаще всего это приходится делать женщине.

ЛУИ. Я же не говорил, что Жизель должна соглашаться. Пусть он делает предложение, а мы будем рассматривать...

XV.

1940 год.

Входит Франсуа.

ФРАНСУА. Добрый день, мадам. Мсье... Добрый день мадмуазель Анна.

ЖИЗЕЛЬ. Мы тебя ждём. Мама готовит равиоли.

ФРАНСУА. Очень люблю равиоли.

ЛУИ. На завтрак? *(Смеётся)*.

ЖИЗЕЛЬ. Папа...

ФРАНСУА. Жизель рассказала вам? Но эта работа временная.

АННА. Папа шутит, не обращай внимание.

ЛУИ. Аперитив?

ФРАНСУА. Можно. Немного...

ЛУИ. С утра? Шучу, шучу... Сейчас принесу такой настоечки, эх...

ФРАНСУА. А чем ты сегодня занималась?

ЖИЗЕЛЬ. Я? Ничем... Читала книгу, которую ты мне дал.

ЛУИ. Жизель читала книгу? Чудеса...

ЖИЗЕЛЬ. Папа!

ЖАКЛИН. Что за книгу?

ЖИЗЕЛЬ. Атлас. Там про все страны и народы. С картинками...

ЛУИ. С картинками? Ну это объясняет дело.

ЖАКЛИН. Что-то ты сегодня больно остёр на язык, мсье Купес. Смотри, кто много смеётся, тот потом горько плачет.

ЛУИ. Чувство юмора – главное богатство честного француза. А на счёт книг, Франсуа, я тебе так скажу, в этом доме не признают других книг, кроме домовых...

ЖАКЛИН. Анна, накрывай на стол. Жизель, чего стоишь, помогай.

ФРАНСУА. Домовых, мсье?

ЛУИ. Только не говори, что Жизель не рассказывала тебе про домовые книги Купес?

ФРАНСУА. Н... нет, мсье.

ЛУИ. Возмутительно!

ЖАКЛИН. О, разошёлся...

ЛУИ. Тогда считай, что ты ничего не знаешь про эту семью. Я тебе покажу... (*Достаёт домовые книги*). Запомни, Франсуа, без этого здоровой семьи просто не может быть. Ясно тебе? Давай я тебе ещё подолью.

ЖИЗЕЛЬ. Папа, ну отпусти ты его уже...

ЛУИ. У нас мужской разговор! Двух слов не дадут сказать. Пей... Знаешь что, в этих книгах даже есть запись на смерть Жана Поля Марата.

ФРАНСУА. Серьёзно?

ЛУИ. Конечно, сейчас покажу. Чёрт, ни хрена не видно...

ФРАНСУА. Почему у вас так темно в этом углу?

ЛУИ. Лампа перегорела или какой-то контакт отходит.

ЖАКЛИН. Просто некоторые настолько заняты домовыми книгами, что не могут даже лампочку вкрутить...

ЛУИ. Сейчас, сейчас, это было где-то здесь...

ФРАНСУА. Так я вкручу, мигом. Жизель, у вас есть новая лампочка?

ЖИЗЕЛЬ. Лампочка? Была... Вот, только она синяя. Я увидела синие лампочки и сразу купила, мне сказали, что свет от них просто волшебный...

ФРАНСУА. Правда? Сейчас проверим... Дай её сюда.

АННА. Цыплёнка из духовки вынимать?

ЖАКЛИН. Посмотри сама. А сыр? Где сыр?

ЛУИ. И вино... Красное. Ну где эта запись?

ЖИЗЕЛЬ. (*Даёт Франсуа лампочку*). Ты не обращай на папу внимания. Он немножко странный...

ФРАНСУА. У тебя замечательная семья. И ты замечательная... (*Целует её*). Подожди, я мигом...

ЖАКЛИН. Всё готово! Мальчики!

ЛУИ. Вот, нашёл! «Купили сыра, лука и хлеба. Починили чулки»...

ФРАНСУА. Я уже... Сейчас посмотрим на волшебный свет... (*Он вкручивает лампочку, его бьёт током, он падает мёртвый. Жизель дико кричит. Пауза...*)

XVI.

ЖИЗЕЛЬ. Франсуа!

ЛУИ. Чёрт, говорил я, с этой лампой что-то не то...

ЖИЗЕЛЬ. Ну чего вы стоите! Помогите ему!

ЖАКЛИН. Анна, уведи её...

ЖИЗЕЛЬ. Что с ним?

АННА. Пойдём, пойдём. Ты всё равно ничем не поможешь. Сейчас всё выяснится.

ЖИЗЕЛЬ. Ты видела? Сверкнуло, он упал. С ним всё будет нормально?

ЖАКЛИН. Надо вызвать доктора.

ЛУИ. Похоже, его убило.

XVII.

1999 год.

Входит Нинка.

НИНА. Жизель, к тебе можно?

ЖИЗЕЛЬ. Ну заходи, если не шутишь.

НИНА. Одна сидишь?

ЖИЗЕЛЬ. А с кем? Где твоя Олька, почему не привела?

НИНА. Где тая Олька... Уже носится где-то. С Поскрёбковыми, что ли... Разве уследишь. Я шаг, она десять. Что ты... Утром встала: «Баба, давай молока». Я ей скварок зажарила, сметаны в жир налила и мачать... А она: «Бабушка, только сальце тонко выжаривай». Вот как у них в городе говорят – «сальце». Села – только за ушами трещит. «Бабушка, - говорит, -- мне мама в городе никогда так вкусно не делает».

ЖИЗЕЛЬ. А что у них там, концентраты одни.

НИНА. Тут же всё своё, всё своими руками выращено. Свиньи на одном комбикорме. Блин в жир макает, скваркой заедает – «Бабушка, у тебя сальце такое вкусное»...

ЖИЗЕЛЬ. Пусть почаще приезжает.

НИНА. Где там. Она же в школу эту ходит, с уклоном. А там нагрузка знаешь какая? О! На эту головку маленькую. А сама худющая... А божачки! Она говорит: «Бабушка, так надо, в городе худых любят».

ЖИЗЕЛЬ. Ничего, поправится на парном молоке.

НИНА. Не знаю. Вон, ты тоже приехала – худая, как смерть. А не сильно ты и поправилась за шестьдесят лет.

ЖИЗЕЛЬ. Да, талия у меня была. Помню, сама лёгкая была – Сергей меня одной рукой поднимал, как пушинку.

НИНА. Силищи много, а голова дурная. Ходишь к нему?

ЖИЗЕЛЬ. Хожу, чего не ходить. Бурьяном всё зарастает... *(Пауза)*.

НИНА. Но хитрый был... Помню, выпить захочет, идёт на кладку и ждёт, когда, значит, дети в школу пойдут. И у каждого деньги отбирает: у кого пять копеек, у кого десять, у кого двадцать... На следующий день дети уже на кладку не идут – идут через мост, а он уже там, тут как тут. И каждому подзатыльник, подзатыльник... Ох, боялись все его...

ЖИЗЕЛЬ. Не помню такого.

НИНА. Так тебя ж ещё здесь не было. А биться любил – помоги Господь. Бывало, пойдёт на центр, когда ярмарка, шнурки развяжет и ходит. Ну конечно кто-нибудь наступит – а он тому в морду. В морду... Ты что. А сильный был – передок трактора поднимал.

ЖИЗЕЛЬ. Меня бил, говорил: «На Руси когда бьют, значит любят».

НИНА. Ничего не попишешь, бешенный был человек. А что теперь, лежит в земле...

ЖИЗЕЛЬ. Я всё про Вику думаю. Пьёт много... Каждый день пьёт.

НИНА. Это гены.

ЖИЗЕЛЬ. Корову продала. Может, уже и пропила всё с этим Костем. Вот где беспутный человек. У меня деньги берёт, забывает...

НИНА. Уголовник он.

ЖИЗЕЛЬ. Кто?

НИНА. Костя...

ЖИЗЕЛЬ. Боюсь я, ох боюсь. *(Пауза)*. Давай налью, что ли...

XVIII.

1957 год.

Сергей и Колька.

КОЛЬКА. Вот твоя доля. Всё как договаривались.

СЕРГЕЙ. Куда отвёз?

КОЛЬКА. В Корпухово. Там всё схвачено. Можно ещё везти...

СЕРГЕЙ. Ещё? Откуда взять?

КОЛЬКА. Серега, как говорится, где наша не пропадала. Знаю я одно местечко. Сельпо. А за ним склад. Товару там – сколько хочешь бери, никто не заметит. А оглядятся через сто лет, так поди разбери кто там да что...

СЕРГЕЙ. Участковый, Васька, воду мутит. Ищет всё, вынюхивает.

КОЛЬКА. Пусть вынюхивает, что мы ему... Где Жизелька?

СЕРГЕЙ. Это для меня она Жизелька, а для тебя, козёл, Жизель Людовиковна! Во дворе... Ещё раз замечу, что на неё пялишься – морду разворочу так, родные не узнают...

КОЛЬКА. Она тебя подговорила?

СЕРГЕЙ. Я тебе говорю. *(Пауза. Входит Жизель)*. Жизель, смотри я сегодня деньги в колхозе получил. Давай тебе гостинца какого куплю. Хочешь платок? Или ботинки?

ЖИЗЕЛЬ. Лучше Виктуар платье купи. Ходит как оборванка.

СЕРГЕЙ. Нет, я тебе купить хочу. Любимой женщине купить хочу. Это же у нас скоро юбилей, пятнадцать лет живём... Муж и жена. Всё по закону: советская семья. Так что жаловаться не на что. Да, Жизелька?

ЖИЗЕЛЬ. Я не жалуюсь.

СЕРГЕЙ. Вот это правильно. Люблю баб с характером. А у неё характер ещё тот. Хоть молчит, подчиняется, а глазом иногда как зыркнет.

КОЛЬКА. Главное, что подчиняется.

СЕРГЕЙ. А куда ей деться. Знает, поперёк слово мужу сказала, сразу и получила. Ну чего стоишь, глаза вылупила, бери деньги, сходи в сельпо да купи поллитру. И камсы полкило. Нам с Колькой одно дело отметить надо. Удачное... Да, и купи каких конфет, сластей дочке. Самых лучших купи, много – пусть порадуется. Иди... *(Жизель собирается идти, но входит участковый Василий)*.

ВАСИЛИЙ. Добрый день в дом.

КОЛЬКА. Ба, какие люди...

СЕРГЕЙ. Ну добрый... Чего стал в дверях, проходи. По какому делу?

ВАСИЛИЙ. По тому же. Где вы были позавчера ночью?

СЕРГЕЙ. Кто?

ВАСИЛИЙ. Ты и Колька.

СЕРГЕЙ. Дома спали, зад чесали... Не веришь? Жизелька, скажи, где я был?

ЖИЗЕЛЬ. Дома.

ВАСИЛИЙ. Почему тогда вас видели у учхозовских складов?

КОЛЬКА. Кто видел?

ВАСИЛИЙ. Диденчиха, младшая. Видела, как вы оттуда мешки тащили.

СЕРГЕЙ. Какие мешки?

КОЛЬКА. Сдурела она что ли?

СЕРГЕЙ. Да я сейчас к ней пойду, так мозги вставлю суке этой, будет знать, как чушь молоть.

ВАСИЛИЙ. Никуда ты не пойдёшь. Там машина за углом стоит, чтоб дочка не видела. Прислали из района. Поедем, разберёмся... Давай, без шума. *(Пауза)*.

ЖИЗЕЛЬ. Нет! Нет! Не забирайте его! Нельзя! Он не виноватый! Пожалуйста...

СЕРГЕЙ. Молчи, дура.

ЖИЗЕЛЬ. Нет, пожалуйста. Не забирайте его... Не забирайте... Сергей! Сергей!

ВАСИЛИЙ. Навещать будешь. Идём...

XIX.

1999 год.

Звонок телефона.

ЖИЗЕЛЬ. Алё. Да, я... Жизель Купес. Откудава звоните? Нет, я никогда не ходила в консульство. Нет, я плохо говорю. Забыла уже... Пенсия? А? Да, седьмой отряд фронта освобождения... Медсестрой, до сорок четвёртого года. Воевала. Медаль есть, две... Есть свидетельство о рождении. Хорошо... Ага... Буду. *(Кладёт трубку. Набирает номер)*. Алло, Нинка? Ну послушай, мне из посольства позвонили... Какого, французского. Из

посольства французского. Сказали, что мне положена пенсия, да, французская, как партизану... И что я могу вернуться во Францию...

XX.

1940 год.

ЛУИ. Мадам Этьен очень приятная женщина.

ЖАКЛИН. Во-первых, образование – сразу видно, человек с широким кругозором. А сердце просто золотое.

ЛУИ. Такой удар...

ЖАКЛИН. Но она вела себя с редким достоинством. Потерять единственного сына и проявлять такую выдержку.

ЛУИ. Все люди умирают. У меня брат погиб в двадцать шесть. Оставил жену и двух младенцев. И тоже никто не ждал. Задавило стрелой на заводе.

ЖАКЛИН. Хорошо, что она не винит нас.

ЛУИ. А чего винить? От таких вещей никто не застрахован. Кстати о страховках, Лазар сказал, они опять подорожали. Как они наживаются за наш счёт – это чудовищно!

АННА. Тише. Жизель... *(Входит Жизель)*.

ЖАКЛИН. Ты как?

ЖИЗЕЛЬ. Нормально. Тебе чем-нибудь помочь?

ЖАКЛИН. Да нет, я закончила.

АННА. Я сегодня с Полем хотела пойти в кино. Будут показывать Марлен Дитрих. Очень хороший фильм, пойдём с нами.

ЖИЗЕЛЬ. Поль в Париже?

АННА. Завершает какие-то дела. Пойдём, потом посидим где-нибудь на Монпарнасе.

ЖИЗЕЛЬ. Хорошо. Только я прошу, не надо меня развлекать. Это глупо. Франсуа не вернуть, я знаю. А ваша жалость делает его смерть ещё нелепей. Я хотела спросить, а та лампочка, синяя лампочка, которую он хотел вкрутить, она ещё у нас? *(Пауза)*.

ЛУИ. Да, где-то лежит.

ЖАКЛИН. Выбросить?

ЖИЗЕЛЬ. Нет. Я хочу сохранить её на память. А то у меня почти ничего от него не осталось. Не прокламации же хранить... Одна фотография, атлас и лампочка.

ЖАКЛИН. Мы с папой обсуждали: многие люди умирают рано. Почему у господ все просят смерть в один день... Но обычно всё равно один из супругов испытывает горечь утраты...

ЖИЗЕЛЬ. Мы ещё не стали супругами.

АННА. Но ты же любила его.

ЖИЗЕЛЬ. Я, может быть... Когда вы идёте?

АННА. В восемь. За тобой заехать?

ЖИЗЕЛЬ. Да.

АННА. Мама, тогда я пойду.

ЛУИ. Я тоже...

ЖАКЛИН. Тоже в кино?

ЛУИ. Да. То есть нет. Меня ждёт Жюльен в «Проворном кролике».

ЖАКЛИН. Опять до ночи...

ЛУИ. Мне надо с ним поговорить.

ЖАКЛИН. Как же... Социалистические дебаты.

ЛУИ. Напрасно ты. Из таких споров рождаются великие теории.

ЖАКЛИН. Кто расскажет мне, где рождаются великие практики... Ладно, идите...

ЛУИ. Не забудьте записывать расходы в домовую книгу. Где моя шляпа? Вот. Ну я пошёл.

АННА. Мы скоро заедем. Не скучай... *(Они уходят)*.

ЖИЗЕЛЬ. Я хочу сшить себе новую юбку. Короче этой. Я принесла ткань...

ЖАКЛИН. А выкройки?

ЖИЗЕЛЬ. Вот, в журнале.

ЖАКЛИН. Мода меняется так стремительно. В мои времена это было бы так вызывающе... (*Пауза*). Меня ты не обманешь, я же вижу, что с тобой творится.

ЖИЗЕЛЬ. Мама...

ЖАКЛИН. В жизни всё может произойти, но ты никогда, слышишь, никогда не должна помышлять о...

ЖИЗЕЛЬ. Просто, я не знаю... Как я смогу жить без него?

ЖАКЛИН. Ты справишься. Поверь мне, это только сначала тяжело.

ЖИЗЕЛЬ. Я понимаю, но ведь больше никогда такого не будет. Никогда...

XXI.

1957 год.

Зона. Жизель приходит туда с тяжёлой сумкой. Видно, что дорога её была долгой и тяжёлой. Она отдыхает.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ты что ли жена Буряка?

ЖИЗЕЛЬ. Я.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Откуда?

ЖИЗЕЛЬ. Из Корзунов.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Так это же пятнадцать километров.

ЖИЗЕЛЬ. Я знаю.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Пешком шла?

ЖИЗЕЛЬ. Да. (*Пауза*).

НАДЗИРАТЕЛЬ. А спала где?

ЖИЗЕЛЬ. В копне спала. На поле...

НАДЗИРАТЕЛЬ. Что ты ему принесла?

ЖИЗЕЛЬ. Выкладывать?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Выкладывай. (*Она вынимает всё из сумки*). Так... Больше ничего?

ЖИЗЕЛЬ. Нет.

НАДЗИРАТЕЛЬ. А при себе ничего запрещённого нет? Ни оружия, ни ножей?

ЖИЗЕЛЬ. Ничего нет. Обыскивать будете?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Что это у тебя за говор такой странный? Иностранка ты, что ли?

ЖИЗЕЛЬ. Была. Давно...

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ладно. Жди здесь... (*Уходит. Она ждёт, приводит себя в порядок. Входит Сергей*).

ЖИЗЕЛЬ. Сергей! Серёженька! (*Бросается ему навстречу*). Как я скучаю без тебя. Как мне плохо... Всё время о тебе думаю. Прихожу домой – о тебе думаю. Сплю – тебя вижу...

СЕРГЕЙ. Ну ладно уже, ладно.

ЖИЗЕЛЬ. Как тебе тут живётся?

СЕРГЕЙ. Как... Работаю. На лесопилке.

ЖИЗЕЛЬ. Это такая фортуна, что тебя недалеко оставили. Я так боялась, тебя на Север отправят. Письма писала. По-русски плохо умею, Нинку просила. Она тоже с ошибками...

Писала: ребёнок здесь, жена здесь – как же мужа отправлять...

СЕРГЕЙ. Ой, хватит тараторить. Голова болит.

ЖИЗЕЛЬ. Заболел?

СЕРГЕЙ. Выпить есть?

ЖИЗЕЛЬ. Выпить – не разрешено. Забрали.

СЕРГЕЙ. Скоты...

ЖИЗЕЛЬ. Похудел. Осунулся.

СЕРГЕЙ. Деньги есть?

ЖИЗЕЛЬ. Что?

СЕРГЕЙ. Деньги...

ЖИЗЕЛЬ. Пятнадцать рублей. Зачем?

СЕРГЕЙ. Водку купить. Так не дают, заплатить надо.

ЖИЗЕЛЬ. Вот... (*Отдаёт деньги*). Больше нету... Вика в школу ходит. В понедельник пятёрку получила по географии. А так четвёрки, четвёрки.

СЕРГЕЙ. Ты ей сказала?

ЖИЗЕЛЬ. Сказала, конечно. Зачем врать. Да и так все знают.

СЕРГЕЙ. Диденчиха – сука! Выйду отсюда – все кости переломаю. (*Пауза*). Соскучилась без мужика?

ЖИЗЕЛЬ. Соскучилась.

СЕРГЕЙ. Могла не говорить. По глазам вижу.

ЖИЗЕЛЬ. А ты? (*Он её обнимает, целует*).

СЕРГЕЙ. Будешь ко мне каждую неделю ходить. Деньги носить, папиросы. Снимай одежду.

ЖИЗЕЛЬ. А если...

СЕРГЕЙ. Снимай, говорю. Здесь замужним положено. (*Обнимает её и тянет в угол*).

XXII.

1999 год.

В доме Жизель, Виктуар, Нинка и старый Василий.

ВАСИЛИЙ. Вот так...

НИНА. Ну что, Жизелька, будем узлы завязывать – поедешь во Францию.

ЖИЗЕЛЬ. Отцепись.

НИНА. Ну что, Василь, нас бы кто куда взял. Жизель, а ты нас это, как домашних животных оформи...

ВАСИЛИЙ. Нет, я так не хочу.

НИНА. Ой, уже не надо тут... Не хочет он. Гордый... А может, там у них собаки живут лучше, чем у нас пенсионеры. Да и что тебе на старости надо: коврик да миску... (*Смеётся*).

ВАСИЛИЙ. От, Нинка. Вот так всё жизнь работаешь в милиции и что? Там уж конечно пенсии другие.

НИНА. Да уж конечно. Вон по телевизору недавно показывали пенсионеров. Где это? Может, и во Франции или в Америке, чёрт их разберёт. Так это... Они садятся в автобусы и путешествуют. Понимаешь? Всё оплочено. А ты куда можешь заехать на свою пенсию? Разве что на кладбище...

ВИКТУАР. Этот посол сказал маме, что ей положена французская пенсия. Она же ветеран – а это, может, тысячи долларов.

НИНА. Дашь хоть подержать, а то мы таких денег и не видели.

ВАСИЛИЙ. А за пенсией туда надо ехать? Дорога сейчас дорогая. Может, не выгодно?

ВИКТУАР. Нет, сюда должны передать. А вдруг не может человек поехать? Нет... Мама, а ты им сказала, что у тебя есть медали? Вдруг за это денег больше дадут.

НИНА. Поедешь?

ЖИЗЕЛЬ. Куда я уже поеду, Нина? (*Вздыхает*). Мне сказали Анна, сестра моя жива.

ВИКТУАР. Тётя Аня?

ЖИЗЕЛЬ. Может, позвонит. Что я ей скажу?

НИНА. Ты с ней и не говорила с тех пор?

ЖИЗЕЛЬ. Нет. При Сталине за границу писать нельзя было. Что ты... А потом уже как-то и забылось. Да и что у меня за жизнь была, что о таком писать?

НИНА. А они?

ЖИЗЕЛЬ. Может, посылали письма, не знаю. Тогда всё не так просто было...

XXIII.

1941 год.

ЛУИ. Доигрались. Нацисты маршируют под нашими окнами. Говорят, их танковые части уже взяли Москву. Вся Европа в руках Гитлера!

ЖАКЛИН. Надеюсь, это не повод не ходить на работу.

ЛУИ. Ну нельзя же делать вид, что ничего не происходит!

ЖАКЛИН. Иди на фронт.

ЛУИ. Надо всё записать в домовую книгу. Это история... Будущие поколения...

ЖАКЛИН. Ладно. Как там Анна в Орлеане? Я волнуюсь.

ЛУИ. Что, не написала?

ЖАКЛИН. Написала, что всё хорошо. Но я не знаю. Там всё какие-то спецоперации. Хоть бы у Пьера не оказалось еврейских корней, отберут всё...

ЛУИ. Да нет, на вид чистокровный француз. (*Звуки выстрелов*). Что это? Перестрелка?

ЖАКЛИН. Нет, рождественский фейерверк. Наверное, кого-то ловят. Или расстреливают...

ЛУИ. Это в двух кварталах.

ЖАКЛИН. А где комендатура у них? Ах да... (*Пауза*). Тихо... Кажется, стихло.

ЛУИ. Ну я пойду.

ЖАКЛИН. Посиди три минуты. Успеешь под пули броситься.

ЛУИ. Так тихо же...

ЖАКЛИН. Посиди. (*Выходит Жизель, одетая и готовая к отъезду*). Жизель, ты что? Ты куда это собралась?

ЖИЗЕЛЬ. Мама, я не могу больше здесь. Я договорилась через Огюстена, он поможет мне перебраться на юг...

ЖАКЛИН. Ты с ума сошла, Жизель. Луи, чего ты молчишь?

ЛУИ. Никуда ты не поедешь, ни на какой юг! Моя дочь, партизанка – неслыханно!

ЖИЗЕЛЬ. Мама, слушай, я хотела взять немного колбасы в дорогу и денег. У меня есть, но, боюсь, до Нормандии не хватит.

ЖАКЛИН. Зачем тебе сейчас ехать? Давай подождём, хоть пару месяцев...

ЖИЗЕЛЬ. Я не хочу прорываться через линию фронта – слишком опасно. Пока там тихо, надо ехать.

ЛУИ. Ну чем ты будешь там заниматься?

ЖИЗЕЛЬ. Вышивать крестиком, папа.

ЛУИ. Её надо запереть на ключ!

ЖАКЛИН. Боже, это так опасно... Сейчас я тебе всё сложу.

ЖИЗЕЛЬ. Я тут написала Анне письмо, вы отправьте. А то она волноваться будет.

ЖАКЛИН. Будет... Вот и вторая дочь. О родителях вы совсем не думаете...

ЖИЗЕЛЬ. Мама, ну какой смысл тебе причитать?

ЖАКЛИН. А одежды у тебя хватает? Может, возьмёшь моё пальто? Или платья? У меня есть нарядные...

ЖИЗЕЛЬ. Я же на войну еду, а не на танцы.

ЖАКЛИН. Женщина везде остаётся женщиной. Возьми. И косметику. Жизель Купес должна быть прекрасной где угодно. Луи, дай ей деньги.

ЛУИ. Вот... Хватит?

ЖАКЛИН. Она же не в кабак на рюмочку идёт, а на Юг. Ну дай ещё...

ЛУИ. Вот, бери, дочка.

ЖИЗЕЛЬ. Только давайте не будем долго прощаться.

ЖАКЛИН. Но ты хоть пиши, как там... Почта работает с югом?

ЖИЗЕЛЬ. Я придумаю с кем передавать.

ЖАКЛИН. И ради бога, только ради бога – не погибни. Немцев увидишь, сразу сдавайся.

Ты женщина, тебе можно... (*Обнимает*). Луи, проводи.

ЖИЗЕЛЬ. Может, не надо?

ЖАКЛИН. Надо, надо... Луи.

XXIV.

1941 год.

Южная Франция.

КОМАНДИР. Ты кто?

ЖИЗЕЛЬ. Жизель Купес.

КОМАНДИР. Откуда?

ЖИЗЕЛЬ. Из Парижа.

КОМАНДИР. Из Парижа... Медицину знаешь?

ЖИЗЕЛЬ. Плохо. (*Пауза*). Нет.

КОМАНДИР. А что ты умеешь?

ЖИЗЕЛЬ. Шить.

КОМАНДИР. Франсуа! (*Жизель вздрагивает. Входит лейтенант*). Франсуа, познакомься, наше пополнение – Жизель из Парижа. Жизель...

ЖИЗЕЛЬ. Купес...

КОМАНДИР. Да, Купес. Наша новая швея. Отведи её к Анжелин, пусть покажет образцы формы. (*Жизели*). Будешь шить, штопать, хорошо? Если какие вопросы, обращайся к Анжелин. Она у нас давно работает. Или ко мне.

ЛЕЙТЕНАНТ. Мадмуазель...

ЖИЗЕЛЬ. А... бои далеко отсюда?

КОМАНДИР. Какие бои? А... Ну да. Пока мы концентрируем силы. Идут позиционные маневры. Так что не бойся, у нас здесь безопаснее чем в Париже.

ЖИЗЕЛЬ. Ясно... (*Собирается выйти*).

ЛЕЙТЕНАНТ. У тебя есть парень?

ЖИЗЕЛЬ. Нет.

ЛЕЙТЕНАНТ. А...

ЖИЗЕЛЬ. И не будет!

XXV.

1957 год.

Колония. Надзиратель приводит Жизель в комнату Сергея.

ЖИЗЕЛЬ. Спасибо, что разрешили.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ты уверена, что хочешь ждать его здесь?

ЖИЗЕЛЬ. Да, да, спасибо. Очень хорошо. У нас сегодня праздник, юбилей. Я хочу приятный сюрприз. (*Надзиратель выходит. Она организует праздничный стол. Ждёт. Входит пьяный Сергей с Ингой*).

ИНГА. Серёжка, смотри... Какая-то баба у тебя хозяйничает.

СЕРГЕЙ. Где?

ЖИЗЕЛЬ. Сергей...

СЕРГЕЙ. А, это моя жена. Жизель.

ИНГА. Жизель... (*Хохочет*). Смотри ты, как стол нам накрыла.

СЕРГЕЙ. Что ты принесла сегодня?

ЖИЗЕЛЬ. Кто эта женщина? Сергей, не понимаю...

СЕРГЕЙ. Чего ты не понимаешь? Всё ты понимаешь. Вроде раньше душой не была...

Долго для меня неделю ждать! Мужик я. Мне нормально жить надо...

ИНГА. Смотри ты, даже водочку пронесла. А это что? Оладки?

ЖИЗЕЛЬ. Сергей, Серёженька, я же для тебя...

СЕРГЕЙ. Надоела ты мне, Жизелька, понимаешь? За пятнадцать лет – вот где ты уже у меня. Вот!

ЖИЗЕЛЬ. Зачем ты...

СЕРГЕЙ. Сказал тебе – отстань. Что, давно по морде не получала?

ЖИЗЕЛЬ. Пожалуйста, не бросай меня. Сергей...

СЕРГЕЙ. Вон пошла. Под забором скули... А сюда больше не приходи, стерва.

ИНГА. Слышала, Жизелька! Говорят тебе – всё уже... Не твой теперь Серёженька – наш, отечественный! Давно наш... Дурная ты. Мы тут уже второй месяц сожительствоуем. Так что...

ЖИЗЕЛЬ. Заткнись! (*В ярости хватает её за волосы. Они сплетаются в драке.*). Мой муж! Мой муж! Мой муж!

ИНГА. Сергей! А... Убери её! Убери бешенную!

СЕРГЕЙ. Отстань от неё.

ЖИЗЕЛЬ. Мой!

СЕРГЕЙ. Сказал, отстань! (*Хватает Жизель и отбрасывает*).

ЖИЗЕЛЬ. Хорошо. Хватит. Всё! Я больше не приду! Никогда! (*Начинает уничтожать всё, что принесла*). Дурная. Слепая. Пятнадцать лет. Любила! Жалела! Приехала! Дочь родила! Всё терпела! Всё прощала! Всё... Хватит. Не хочу больше как животная. Не хочу больше белорусская. Не хочу...

ИНГА. Волосы повыдирала, сука...

СЕРГЕЙ. Кончай орать. Выметайся... Инга, тихо, не реви...

ИНГА. Пусть выметается!

ЖИЗЕЛЬ. Сама уйду. Радуйся. Нет у тебя больше жены. (*Уходит*).

ИНГА. Смотри, клоч выдрала, шизофреничка...

СЕРГЕЙ. Ну ты хоть не скули. Переживёшь...

ИНГА. Не понимаю, как ты с ней жил. Она же шалёная.

СЕРГЕЙ. Всё, забудь про неё. Была и сплыла... Теперь только ты у меня, родная, нашинская...

ИНГА. Водку разбила.

СЕРГЕЙ. Ничего, у меня шклянка припрятана. Ну тихо, тихо... Вытри морду. Давай, сообрази на стол: яблок там, хлеба... И сядем.

XXVI.

1957 год. Дом.

НИНА. Ты что?

ЖИЗЕЛЬ. Всё! Всё! Всё! Не могу больше здесь.

НИНА. Ты что?

ЖИЗЕЛЬ. Уезжаю я, Нина. Во Францию, на родину. Домой хочу... Бумаги уже подала.

НИНА. Из-за Сергея?

ЖИЗЕЛЬ. Из-за всего... (*Пауза*).

НИНА. Бедная ты моя, горемычная. Гляжу на тебя, сердце разрывается.

ЖИЗЕЛЬ. Не надо. Сама ведь, всё сама.

НИНА. Когда едешь?

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю. Разрешение должны дать. В Москве.

НИНА. Дадут?

ЖИЗЕЛЬ. Всё равно здесь не останусь... Не могу, жизни нет...

НИНА. Хоть бы дали... *(Вбегают Виктоуар)*.

ЖИЗЕЛЬ. Виктоуар, мы скоро уедем.

ВИКТУАР. Во Францию, к бабушке и дедушке?

ЖИЗЕЛЬ. Да.

ВИКТУАР. А как я буду с ним разговаривать? Они же французы.

ЖИЗЕЛЬ. Ты тоже француженка, Виктоуар, ты тоже француженка, как твоя мать.

ВИКТУАР. Но во Франции буржуи...

ЖИЗЕЛЬ. Не важно. Там люди.

ВИКТУАР. А можно я возьму с собой Оленьку Петручек?

ЖИЗЕЛЬ. Нет, мы уедем вдвоём.

ВИКТУАР. А папа?

ЖИЗЕЛЬ. Папа в тюрьме. Он – вор. Воры должны сидеть в тюрьме.

НИНА. Жизель... Вика, иди сюда, смотри: тётя Нина тебе гостинчик принесла. Смотри... «Алёнушка». Вот...

ВИКТУАР. Спасибо. Мама, а во Франции меня в пионеры примут? А то здесь, говорят, нельзя раз отец – уголовник.

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю. Но обещаю, тебе там будет хорошо.

XXVII.

1999 год.

Звонок телефона.

ЖИЗЕЛЬ. Это она. Чую, она...

НИНА. Ну подойди.

ЖИЗЕЛЬ. Что-то не по себе. Боязно... Что я ей скажу?

НИНА. Ну поздороваешься. Сестра ведь. Про здоровье спросишь. Про урожай. Ну подымай уже! *(Пауза. Жизель подходит к телефону и поднимает трубку)*.

ЖИЗЕЛЬ. Алло. Это Анна... *(По-французски)* Здравствуй, Анна, это Жизель. Сестра...

ВАСИЛИЙ. По какому это она?

НИНА. По-французски... Не мешай. Вика, пойдём, дай им поговорить. *(Они отходят)*.

АННА. Как живёшь, Жизель?

ЖИЗЕЛЬ. Нормально. Всякое бывало, нормально. Ты всё живёшь в Орлеане?

АННА. Да. С Полем. Ему уже девяносто три. Помнишь Польша?

ЖИЗЕЛЬ. Помню... Я так давно не говорила по-французски.

АННА. Что?

ЖИЗЕЛЬ. Я говорю, трудно мне по-французски...

АННА. Я понимаю. *(Пауза)*. А как Сергей?

ЖИЗЕЛЬ. Умер. Тридцать лет как умер.

АННА. Сожалею. А дети есть?

ЖИЗЕЛЬ. Дочка. Виктоуар. Здесь где-то, недалеко.

АННА. У меня четверо... Три дочери, и сын.

ЖИЗЕЛЬ. Четверо?

АННА. Жизель, я так рада, что нашла тебя. Жизель, ты приедешь в гости? В консульстве мне сказали, что могут помочь. Тебе положена пенсия, у тебя будут деньги.

ЖИЗЕЛЬ. Я не понимаю.

АННА. У тебя будут деньги. Ты сможешь приехать во Францию? Ты и Виктуар?

ЖИЗЕЛЬ. Я не знаю.

АННА. Не хочешь?

ЖИЗЕЛЬ. Я не знаю. Как-то... Анна, я так часто вспоминала тебя. И маму. И Францию... Вы хоть там счастливы?

АННА. Жизель, я тебя плохо понимаю. Приезжай, мы с Полем тебя будем ждать. Я тебе ещё буду звонить. И в посольство тоже. Жизель, я очень хочу тебя увидеть.

ЖИЗЕЛЬ. Пока, Анна.

АННА. До свидания, Жизель... *(Пауза)*.

ВИКТУАР. Ну, поговорила?

ЖИЗЕЛЬ. Поговорила.

НИНА. Ну что?

ЖИЗЕЛЬ. Ну что говорят после стольких лет... Я так мало поняла.

НИНА. У них хоть всё ладно?

ЖИЗЕЛЬ. Всё ладно. Привет передавали. Анна в гости приглашала.

НИНА. Надо ехать.

XXVIII.

1941 год.

АНЖЕЛИН. Вчера Франсуа убили?

ЖИЗЕЛЬ. Лейтенанта? Как?

АНЖЕЛИН. В бою, на холме... Там перестрелка была, потом артиллерия... Говорят, это подготовка к открытию второго фронта.

ЖИЗЕЛЬ. Франсуа – невезучее имя.

АНЖЕЛИН. Ты знала ещё какого-то невезучего Франсуа?

ЖИЗЕЛЬ. Да.

АНЖЕЛИН. Он тоже погиб в бою?

ЖИЗЕЛЬ. Не хочу об этом говорить, Анжелин. Ещё что-нибудь есть штопать?

АНЖЕЛИН. Вот... *(Даёт ей чей-то китель)*.

ЖИЗЕЛЬ. Что это? Не похоже на французское... Откуда это?

АНЖЕЛИН. А ты не знала? Жизель, ты меня просто поражаешь. Держись за стул, а то упадёшь. К нам вчера русских привезли.

ЖИЗЕЛЬ. Откуда?

АНЖЕЛИН. Из Сибири, выписали по каталогу по три франка за штуку! Конечно с побережья... Они с какого-то корабля. Какой-то конвой сопровождали, а потом трах-бах, корабли затопили. А наши их подобрали. Я их вчера видела.

ЖИЗЕЛЬ. И что?

АНЖЕЛИН. Люди как люди. Улыбаются только мало. Большие все, волосатые, как медведи.

ЖИЗЕЛЬ. Ты что...

АНЖЕЛИН. Ну, может, не все. Вот, заштопай и постирай. У каждого комплекта бирка, потом отнесёшь. Они в седьмой палатке. И язык у них смешной. И всюду звёзды: красные...

XXIX.

1941 год.

Жизель входит в палатку.

СОЛДАТ 1. Кто это к нам? Мамзелька?

СОЛДАТ 2. Ещё одна? А ничего французенка...

СОЛДАТ 1. Нет, наши брянские лучше. Здесь же схватиться не за что, одни кости. Задница как батарея.

СОЛДАТ 2. Может, знакомство свесть?

СОЛДАТ 1. А Нюрка как же?

СОЛДАТ 2. Нюрка далеко. В Ташкенте... А здесь такая краля, хоть пой, хоть танцуй. Смотри, глазами хлоп-хлоп. Как зверёк какой... (*Жизели*). Мадам, или как вас там, гражданочка. Позвольте представится, сержант Иван Прохоров.

ЖИЗЕЛЬ. Иван? (*Отдаёт ему его комплект*).

СОЛДАТ 2. Подумала, я у ней форму прошу. (*Смеются. Она тоже*).

СОЛДАТ 1. Ты её ущипни, чтоб ей понятней стало.

СОЛДАТ 2. Гражданочка, вы, может, чайку с нами попьёте, с сахаринчиком?

ЖИЗЕЛЬ. Нет, я пойду. У меня работа.

СОЛДАТ 2. Куда? Нет, нет, нет, мы тебя так не можем отпустить. Не раззнакомившись.

СОЛДАТ 1. Без поцелуйчика нельзя. Дай бусечку.

СОЛДАТ 2. И пообещай свиданьице...

ЖИЗЕЛЬ. Пустите, мне идти надо.

СОЛДАТ 2. Улыбается... Ну давай, давай, не ломайся.

СОЛДАТ 1. А то не выйдешь...

ЖИЗЕЛЬ. Пожалуйста.

СОЛДАТ 2. Ну давай...

СОЛДАТ 1. Или тебе помочь? Мамзелька...

СЕРГЕЙ. Отойдите от неё.

СОЛДАТ 2. Да брось, Серёга. Им же это нравится. Они же кокетки...

СОЛДАТ 1. (*Обнимает Жизель*). Смотри... Иди сюда, козочка, пообщаемся. А то без бабы всё мужское хозяйство придёт в негодность.

СЕРГЕЙ. Я сказал – отошли.

СОЛДАТ 2. Отвали... (*Сергей отбрасывает солдат от Жизели и лупит их*).

СЕРГЕЙ. Когда я говорю – надо слушать! Слушать! Вон пошли, суки!

СОЛДАТ 2. Серега, ты что?

СЕРГЕЙ. Выйдите!

СОЛДАТ 1. Ладно, ладно... Хрен с тобой, не кипятись. Мы ж пошутили... Мы только пошутили... (*Выходят*).

XXX.

1941 год.

СЕРГЕЙ. Напугалась? Не бойся... Я тебя в обиду не дам. Эти тебя больше не тронут. Что смотришь? Видишь, какие кулачища? Только скажи, кто тебя обижает – дам – мокрого места не останется.

ЖИЗЕЛЬ. Спасибо, мсье.

СЕРГЕЙ. Сергей меня зовут, Сергей. Запомни. А ты?

ЖИЗЕЛЬ. Жизель.

СЕРГЕЙ. Ты Жизель. Понятно всё. Такие у вас во Франции имена. А ты тут прачка? Стираешь?

ЖИЗЕЛЬ. Я всё постирала.

СЕРГЕЙ. Ага, ну ясно... А я тракторист. Тракторист – брррр, понимаешь? Фильм такой есть – «Трактористы». Хорошее кино, советское. Там песни поют... А у вас, наверное, и не показывали? Видела? Кино...

ЖИЗЕЛЬ. Я поняла, ты – киноактёр. В кино снимаешься...

СЕРГЕЙ. А вот сейчас воюю. Моряк. На корабле...

ЖИЗЕЛЬ. Я понимаю... Моряк.

СЕРГЕЙ. Плыли,плыли, и вот приплыли. Напоролись, бля, на эти лодки... Сколько тебе лет?

ЖИЗЕЛЬ. Что?

СЕРГЕЙ. Сколько лет? Не понимаешь? Ну ладно... Это медали. Видишь, медали, за отвагу. А у вас медали есть?

ЖИЗЕЛЬ. Не знаю, не понимаю.

СЕРГЕЙ. Ты здесь живёшь? Откуда ты?

ЖИЗЕЛЬ. Да.

СЕРГЕЙ. Что да, дурёха?

ЖИЗЕЛЬ. Здесь живу, в отряде.

СЕРГЕЙ. Родилась здесь? В Нормандии?

ЖИЗЕЛЬ. А... Нет, нет, я из Парижа.

СЕРГЕЙ. Из Парижа, смотри ты. Богатая?

ЖИЗЕЛЬ. Что?

СЕРГЕЙ. Ничего. Говорю, я из Корзунов. Деревня такая, Корзуны. Это далеко... Далеко, далеко, в России. Ну что, Жизель, будем вместе воевать? Придёшь завтра?

ЖИЗЕЛЬ. Что?

СЕРГЕЙ. Приходи завтра. Сюда. Жизель... *(Она собирается уходить)*. На, ты забыла. И если что – о! Уши надеру, не посмотрю что свой. Не бойся. Говори, Серёга с тобой.

ЖИЗЕЛЬ. Серёга с тобой.

СЕРГЕЙ. Ты говори «со мной».

ЖИЗЕЛЬ. Со мной.

СЕРГЕЙ. Серёга со мной. Ну...

ЖИЗЕЛЬ. Серёга со мной.

СЕРГЕЙ. Молодец, иди... *(Жизель убегает)*.

ЖИЗЕЛЬ. Серега со мной...

XXXI.

1943 год.

СЕРГЕЙ. Пришла?

ЖИЗЕЛЬ. Да... Сергей. Что такое, ты грустный? У мой Сергей плохое настроение? Почему?

СЕРГЕЙ. Не понимаю, что ты там щебечешь.

ЖИЗЕЛЬ. Не грусти... Мне нравится, когда ты улыбка. Когда белорусский улыбка.

СЕРГЕЙ. Чего лыбиться? Ты что не знаешь... Уезжаем мы, понимаешь?

ЖИЗЕЛЬ. Нет, не бойся, я не уеду.

СЕРГЕЙ. Да не ты, дурёха. Я! Я уезжаю. Я... Всё, нас забирают отсюда. Корабль пришёл... Всех русских на родину. В Россию. Домой...

ЖИЗЕЛЬ. Ты уезжаешь?

СЕРГЕЙ. Поняла, наконец.

ЖИЗЕЛЬ. Навсегда?

СЕРГЕЙ. По приказу, послезавтра выезжаем. Так что, Жизелька, надо всё в порядок привести. Форму, пуговицы почистить. Сапоги...

ЖИЗЕЛЬ. Сергей... Так скоро.

СЕРГЕЙ. Ну что ты – это же война. Да и мне у вас уже надоело. Вот где ваше Соппротивление! И балботня ваша, -- уже тошнит от неё.

ЖИЗЕЛЬ. Сергей, я не могу тебя терять. И тебя тоже. Не уезжай...

СЕРГЕЙ. Я уже соскучился по капусте квашенной, понимаешь? А ты ведь такого и не пробовала даже. Капуста квашенная, понимаешь? И водки хочу.

ЖИЗЕЛЬ. Не могу тебя потерять...

СЕРГЕЙ. А то всё это ваше пойло, вино, вино... Изжога уже от вашего вина.

ЖИЗЕЛЬ. Сергей, милый... Пожалуйста.

СЕРГЕЙ. Ну что ты... Посмотри на меня: красивая ты. Глаза какие... У нас таких нет. А волоса... Если бы ты ещё по-русски хорошо разговаривала...

ЖИЗЕЛЬ. Сергей, не оставляй меня.

СЕРГЕЙ. Привык я к тебе. Целый год ведь вместе. На, почисть всё как следует, чтоб блестело. И приходи... Попрощаться-то по человечески надо.

ЖИЗЕЛЬ. Не надо прощаться.

XXXII.

1957 год.

ЖИЗЕЛЬ. Так я могу уехать?

ХАНОВ. Вы что, не понимаете? Вам же сказано по-русски – можете.

ИВАН ИЛЬЧ. И запишите там где-нибудь, в бумагу, что я ей характеристику не дам. Пусть как хочет там во Франции в своей устраивается.

ХАНОВ. Ну куда вы лезете?

ИВАН ИЛЬЧ. Не дам...

ЖИЗЕЛЬ. А Виктуар?

ХАНОВ. Тоже, по-моему, достаточно доходчиво вам объяснили: Виктория...

ЖИЗЕЛЬ. Виктуар.

ХАНОВ. Виктуар Сергеевна является гражданкой Союза Советских Социалистических Республик. Она родилась здесь, у неё есть отец...

ЖИЗЕЛЬ. Он в тюрьме.

ХАНОВ. Временно... Временно отбывает назначенное судом наказание. Так что оснований для её выезда нет.

ЖИЗЕЛЬ. Она моя дочь. Вы должны её отпустить.

ХАНОВ. Мы вам ничего не должны. Советская власть вам ничего не должна...

ИВАН ИЛЬЧ. Ишь ты, неблагодарная какая! Мы ей все условия! Землю под картошку – на, коня поборановать – на, кобикорм – на! Чем не жизнь? А она нам вона как – задницу! Во Францию сбегать... Эх, не те сейчас времена... Лет десять назад, только заикнулась бы – мигом бы... Того самого... Враг народа и к стенке! А тут ещё цацкаются, разбираются, тьфу!

ХАНОВ. Ну, ну, Иван Ильич. Вы правы, теперь времена другие. Жизель Людовиковна, хотите уезжать, пожалуйста. Никто вас не держит. Но Виктуар Сергеевна Буряк останется на родине...

ИВАН ИЛЬЧ. Слушай, я к тебе без зла. Ты, послушай старого... Ты, Жизелька, кидай дурное. Сергей твой непутёвый, так что, он один, что ли? Женихов у нас, слава богу... Да и план выполнять надо. А ты у нас это, опора, передовица. Где такие руки взять? А Франция, что там Франция... Тьфу...

ХАНОВ. Подавайте заявление в посольство. Вот адрес. И уезжайте, пока есть такая возможность...

XXXIII.

1999 год.

НИНА. Помнишь, ты уехать хотела? Жалеешь, что не поехала?

ЖИЗЕЛЬ. Нет.

НИНА. Раньше жалела?

ЖИЗЕЛЬ. Чего в жизни только не было. Вика опять с Костем пьёт. Пьёт и пьёт... И меня не слушает, чуть слово не так – бьётся. Руку выкрутила...

НИНА. Что ты с ней уже сделаешь? Седая... Знаешь как говорят, выросла до неба, а дурная как трэба...

ЖИЗЕЛЬ. Да. Вчера человек какой-то приезжал, француз, из посольства...

НИНА. Это на машине такой заграничной...

ЖИЗЕЛЬ. Да...

НИНА. Красивая машина.

ЖИЗЕЛЬ. Паспорт новый мне привёз, французский. Сказал: вы теперь гражданка Франции.

НИНА. Покажи. Посмотрю хоть, как заграничные паспорта выглядят.

ЖИЗЕЛЬ. *(Приносит коробку со своими сокровищами)*. Вот... Только это, руки чистые?

НИНА. А я о фартух вытру... Давай. Ну... Фотокарточка, это ты в каком платье? А... Ну-ну, вспомнила. А там что за фотокарточка, ну покажи... *(Показывает)*. Какая ты тут молоденькая... С хлопцом каким-то...

ЖИЗЕЛЬ. Я красивая была.

НИНА. А это что?

ЖИЗЕЛЬ. Духи. Французские. «Шанель № 5». Анна мне подарила, ещё до войны, в сороковом.

НИНА. Смотри, ещё есть...

ЖИЗЕЛЬ. А где тут душиться? Шутишь, что ли... Сергей так их вообще не переносил. Чуть запах слышал, зверел. Я всё прятала. Понюхай, ещё аромат сохранился...

НИНА. Ай, отцепись...

ЖИЗЕЛЬ. Ну понюхай. Понюхай. Это же настоящие...

НИНА. Вкусно... Глянь, и делали же... А я так за всю жизнь и капли одеколona на себя не побрызгала.

ЖИЗЕЛЬ. Ну подушись...

НИНА. Ай, ты что, они же дорогие, наверное.

ЖИЗЕЛЬ. А нам теперь какая разница.

НИНА. Нет, не могу. Поедешь во Францию – подушишься.

ЖИЗЕЛЬ. Никуда я уже не поеду, Нина. Тут умру. На заречном кладбище себе уже место купила... Рядом с Сергеем. Так что давай, выливай... Вот -- тебе, мне... Будем сидеть, аромат источать.

НИНА. Может, ещё кавалеры нагрянут. А что? Возьмём себе по деду, для устройства личной жизни.

ЖИЗЕЛЬ. Так у тебя же был какой-то.

НИНА. Прокоп? Ходил, как же... Почти кожный вечер ходил. С бутылкой, хороший дед, крепкий, пенсия заводская... Только помер, инсульт. Третий на моём веку... Так мне теперь говорят: «Ты у нас Нинка на деревне – чёрная вдова!» Слушай, а может мне какого-нибудь француза поискать? Оля говорит: «Бабушка, теперь все по мировой паутине знакомятся»... Во как.

ЖИЗЕЛЬ. Куда уже нам до мировой паутины. Всё нашей путиной затянуто... Лампочка у меня перегорела, Нинка. Темно мне... Надо новую вкрутить...

XXXIV.

Три Жизели встречаются. У каждой в руках синяя лампочка. Лампы начинают гореть и всё погружается в мерный, бескрайний, синий свет...

2003 г.

